

их постбытия и эволюции в меняющихся условиях на микроисторическом уровне и возможностей регенерации на уровне макроистории.

Список литературы

1. Подволоцкий И. XVI съезд ВКП(б) и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930. № 7-8.
2. Нарский И. С. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
3. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
4. Революция и человек: социально-психологический аспект: Материалы конференции, 28–30 ноября 1994 г. / Отв. ред. П. В. Волобуев. – М.: Изд. центр ИРИ, 1996. – 223 с.
5. Скоробогатский В. В. По ту сторону марксизма. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 272 с.
6. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012. – 574 с.

ЧЕЛОВЕК И ЭТИКА В МИРЕ АБСУРДА

Скоробогатский В. В.

Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
A MAN AND ETHIC IN THE WORLD OF THE ABSURD

Skorobogatskii V. V.

Yekaterinburg, Ural Institute of Administration – branch of RANEPА

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что предварительным условием исследования этической проблематики в советском и российском обществе является коренная трансформация методологии социального познания.

Ключевые слова: этика, советское, методология социального познания, мир абсурда, виртуальное существование.

Abstract. The article defines the concept, that fundamental transformation of methodology of social knowledge is a preliminary condition of research of ethical problem of Soviet and Russian society.

Keywords: ethic, the Soviet, methodology of social knowledge, world of the absurd, virtual existence.

Что такое мир абсурда, и в каком отношении этот концепт находится к той социальной реальности, которую мы рассматриваем? Насколько он пригоден для описания этой реальности и особенно – ситуации, в которой находится так называемый «постсоветский» человек? Насколько жизненной ситуации этого человека соответствует термин «пост», имеет ли этот термин значение более существенное, чем формальное, чисто хронологическое указание на некое существование «после» – после 1991 года, например?

Эти вопросы я формулирую заранее в качестве методологического введения в тему, чтобы подчеркнуть нечто важное для последующего изложения. В наших размышлениях о современном обществе, о человеке и различных аспектах его существования мы проходим мимо кардинального обстоятельства. Что я имею в виду? Мы по существу не знаем, что такое советское – как тип устройства общества и как тип человека. Те определения, с помощью которых мы фиксируем его специфику – тоталитаризм, социализм, идеократия – схватывают какие-то отдельные стороны советского и отдельные этапы его истории. Например, с помощью термина «тоталитаризм» можно зафиксировать особенности сталинского периода, но периоды «до» и «после» этим определением не охватываются. Относительно социализма в СССР, был он у нас или не был, даже сочувствующие делу социализма склоняются к выводу, что «настоящего» социализма коммунисты так и не построили, и ищут его то в Швеции, то в Китае. И столь же сомнительным для выражения сути советского является термин «идеократия», под который, помимо прочего, подпадают разные общества – средневековые халифаты, например, или Иран времен аятоллы Хомейни.

Вот это неожиданное сближение советского с чем-то явно ему не близким – предупреждение о тех опасностях, которые порождаются использованием понятий, выработанных для характеристики каких-то предметов, взятых во вполне конкретных культурных и исторических контекстах, с целью описания внешне сходных предметов, но существующих в других контекстах. Например, Б. Муссолини ввел в оборот понятие тоталитаризма в связи с проектом фашистского общества в Италии [8, с. 248-249]. Х. Арендт использовала его для характеристики гитлеровского нацизма [1], стирая, тем самым, существенные различия между двумя режимами ради выделения чего-то политически важного в конце 1940-х гг. А когда со временем этот термин перенесли на советское общество сталинского

периода, результатом стало поверхностное, основанное на сходстве нескольких внешних черт отождествление сталинизма с фашизмом. Этот вывод, а точнее, лозунг, уместный, быть может, в политической пропаганде, вредит научному анализу и нацизма, и сталинизма, да и самого итальянского фашизма [7, с. 8-9)]. Зачастую использование общих понятий в области социального познания, без учета того контекста, в котором то или иное понятие сложилось и получило теоретическое содержание, создает видимость решения теоретической задачи, иллюзию проникновения в суть явления путем простого уравнивания неизвестного с известным на основе сходства двух-трех внешних признаков и переноса сущностных характеристик известного на неизвестное. Это – подмена научного исследования суждением по аналогии.

В области социального познания более продуктивным и отвечающим требованиям научности является подход, который предполагает исследовать предмет в сопоставлении не с «другим», а с самим собой, но взятым в его предельном, критическом состоянии, на грани бытия и небытия [6, с. 13]. Такое, по сути экзистенциальное, рассмотрение предмета вынуждает нас брать исследуемый предмет в ракурсе исчезновения – разложения и распада. Опыт перестройки и реформ 1990-х гг. подталкивает к выводу, что советское является региональным типом цивилизации и культуры, некоторые черты которого уже нашли отражение в литературе [3; 9].

Советское возникает посредством синтеза общинного начала и массовой культуры в пространстве российского города в эпоху «восстания масс». В ходе истории менялись формы синтеза, но сохранялась суть советского – бытие-к-власти. Это вид власти, которая распределена в социальном пространстве как по вертикали, так и по горизонтали; модель власти, соединяющая в единую функциональную Систему государство с присущей ему иерархией господства и подчинения, и общество в виде совокупности самообеспечивающихся и самоуправляемых кластеров, с отношениями социального равенства внутри.

Ключевой элемент советского, сохраняющийся даже в условиях распада Системы, – особый культурно-антропологический тип, человек, возникший и выживший в условиях катастрофы 1917-1922 гг. Будучи социальным атомом Системы, он нес на себе отпечаток ее основных структурных и функциональных характеристик, ее социокультурный код. Поэтому анализ данного феномена

позволяет делать предположения относительно советского мира в целом. Во-первых, при всей своей специфике, советский мир обладает сходством с миром абсурда. Его художественное описание можно найти у Ф. Кафки, а философское – у А. Камю [5]. Под абсурдом мы понимаем дегуманизирующие следствия машинообразного устройства общественной и частной жизни человека в той исторической обстановке, когда индустриальный код цивилизации уже не отвечает обновляющимся культурным и социальным условиям жизни общества и человека. Данное устройство невидимыми, но нерасторжимыми цепями приковывает к Машине человека-Сизифа, который был пожизненно обречен механически повторять ее задания. По сути, Машина заняла место судьбы, и в этой подмене мир абсурда утратил героическое измерение. Исчезает роль, благодаря которой человек, противостоящий судьбе, обретал достоинство личности. Во-вторых, в силу латентного существования личного начала и «машинности» образа жизни нравственным регулятором взаимодействий в обществе был идеологически выверенный (кодифицированный) свод правил, обобщавших опыт массовых поведенческих практик. В их основе лежали социальные техники выживания любой ценой, техники принципиально неморальные и внеправовые. Они получили проверку и закрепление в годы гражданской войны, коллективизации, первых пятилеток, Отечественной войны и разрухи послевоенных лет. В-третьих, ценностным «ядром» советской морали был не выбор между добром и злом, автономно совершаемый индивидом, а сознательное следование этическому кодексу.

Запрограммированный, машинообразный характер этического поведения предопределил разрыв между этикой и реальным действием, успех которого невозможен без известной степени свободы и самостоятельности в принятии и осуществлении решений. Носитель этического – не индивид и не социальный сверхсубъект (объективный дух), введенный в историческую картину мира Гегелем и «отвечающий» за восходящее движение истории по вертикали. В мире абсурда этическое существует независимо от массива актов реального поведения индивидов и межиндивидуальных взаимодействий, образующих ткань социального. Более того, этическое существует как особый эффект Системы, развертываясь одновременно в двух измерениях, по горизонтали и вертикали социального пространства, и совпадает в этом развертывании с властью. Этическое – маска

власти, обращенная к человеку и обществу, которая, во-первых, демонстрирует трансцендентную «высоту», мощь власти, превосходящей все человеческое и социальное, и, во-вторых, нормативно закрепляет порядок, при котором человеческое оказывается формальным элементом социального пространства. Здесь не только исключена автономия индивида, но собственно человеческое получает функциональное бытие, в котором исчезает предметное (культурное) содержание жизни человека. Сообщество людей получает вид виртуального множества «точек», каждая из которых – место потенциального прикрепления индивида к социальному. Единственно доступная человеку степень свободы – возможность переменить одну «точку» на другую, изменить «персону» – как меняют одежду. Тем самым достигается высокая степень пластичности человеческого материала, формообразуемого – как индивидуально, так и в составе малых и больших групп – в соответствии с функциональными запросами Системы.

Функциональное отчуждение человеческого, его виртуальный статус в структуре социального – корень абсурдности, в цвета которой окрашиваются все стороны человеческого существования, не только психология, но культура в целом и даже – экономика. Абсурдность не сводится к иррациональному – к нарушению логики или к утрате смысла человеческого существования. Она заключается не просто в принципиальной разнопорядковости, несовместимости человеческого и социального в рамках Машины, но в обязательном и далеко не безопасном «оборачивании» человеческого намерения, которое бумерангом ударяет по самому человеку, как только он пытается внести разумность в окружающий его мир. Абсурд – требование Системы к человеку отказаться от попыток самостоятельного употребления разума – от того, что Кант называл принципом Просвещения и напрямую связывал как с природой человека, так и с его вступлением в пору взросления. В мире абсурда человек разумный (*sapiens*) превращается в человека играющего (*ludens*) [4, с. 172]. В том числе, играющего и в человека разумного.

Мир абсурда, возникший в результате разложения советской Системы, – среда существования виртуального человека. Виртуальность здесь – форма приспособления советского человека к тем условиям существования, которые задаются Системой, функционирующей в «рассеянном» состоянии перехода.

Приспособление это имеет характер игры, ведущейся по правилам, но только правила эти продиктованы не человеческим разумом, а этическим кодексом.

Различные блоки бывшей советской Машины в силу единообразия их конструкции (устройства) и режима функционирования, их технологической однородности испытывают взаимное тяготение друг к другу, образуя разного рода временные ансамбли – функциональные суррогаты Системы, которые с различной степенью эффективности структурируют постсоветскую реальность. Иными словами, разложение советской Системы означало ее переход в режим дисфункционирования и сопровождалось появлением деформаций в социальном пространстве и структурах повседневности, включая жизненный мир индивида, но не привело к возникновению новой социальности и нового человеческого типа.

Характерная особенность Системы в ее дисфункциональном, «рассеянном» состоянии – то, что структурно-функциональной единицей (постсоветского) мира абсурда является ситуация. Это – точка временного, краткосрочного пересечения социального и индивидуального. Точка, или «место» в структуре социального пространства, где происходит ослабление детерминации и порядка, где индивид предстает перед лицом нарастающей неопределенности. Угрозы и риски, с которыми в рамках ситуации сталкивается индивид, – знак отсутствия Судьбы; отсутствия, обратная сторона которого – хаотизация. Хаос вместо (в роли) Судьбы – перелом в конструкции мироздания, бывшего со времен античности «домом» человека, воплощением Логоса-Космоса. И этот перелом предполагает столь же кардинальное изменение человека, который в поисках защиты от хаотизации соглашается на удел Сизифа – и принимает мир абсурда как единственную альтернативу подступающему небытию.

Новый порядок, возникающий в мире абсурда и альтернативный хаосу, основан на повторении, его принцип – тождество, допускающее небольшие, «частные» различия [2, с. 119]. Существование в мире абсурда – сериал, или последовательность сходных между собой вторичных копий одного образца, матрицы. Матрица (еще одна маска власти в мире абсурда) – порождающее начало существования-сериала. У сериала – две проекции на экран реальности: первая – жизнь как процесс, симулирующий перемены, текущий в виде череды дней-репродукций, каждый из которых строится в соответствии с матрицей, и вторая –

люди-клоны, которые различаются между собой не больше, чем одна репродукция-копия от другой.

Вопрос о том, кто является в мире абсурда автором-творцом, создающим матрицу, точнее, массово тиражируемый образец, не имеет ответа. Культурный образец на деле не существует, он виртуален, он подразумевается, но в буквальном, онтологическом смысле он представляет собой «пустое место», отсутствие. Он факт массового мнения, в нем образец получает признанное, воображенное бытие, как подводная часть айсберга, которая предполагается по правилам здравого смысла или согласно традиции – «так принято». То же происходит и с автором-творцом: он виртуален, он разделяет участь образца. В этом отношении образец существует как нечто самосотворенное, по крайней мере, как не имеющее начала и предшествующее всему сотворенному.

Вот это «так принято» вновь отсылает нас к этике. В мире абсурда этика замещает онтологию. Одно из следствий такого замещения – универсальная взаимозаменяемость всего и вся, так что доподлинно никогда неизвестно, имеешь ли ты дело с копией или оригиналом. Хотя бы потому, что кажущееся оригиналом – только копия более высокого порядка, а само понятие оригинала – условность, привычка иерархически ранжировать вещи по степени их близости к порождающему началу. Данная функция этики в (постсоветском) мире абсурда – замещать онтологию, задавать базовые структуры виртуального существования людей и вещей – позволяет установить ее непосредственную связь с Системой. Переход последней в состояние дисфункционирования и «рассеяния» сопровождается перераспределением общесистемных функций и их специфическим делегированием отдельным формообразованиям культуры, среди которых не только этика, но и некоторые религиозные структуры, институты науки (общественной, главным образом) и образования. Выполняя делегированные функции Системы, эти формообразования создают видимость отсутствия Системы, симулируют ее историческое исчезновение и – в целом – модернизацию общества. Основная задача, которая отводится им в рамках «рассеянной» Системы – воспроизводство и трансформация советского как особого типа цивилизации и культуры в новых исторических условиях.

Список литературы

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – 2 изд. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
4. Грицай Е. В. Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра) // Вопросы философии. 2003. № 9. – С. 170-179.
5. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 23-100.
6. Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1995. – 211 с.
7. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия УрФУ. Серия: общественные науки. 2013. № 1(112). – С. 6-17.
8. Муссолини Б. Доктрина фашизма // Антология мировой политической мысли: в 5 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1997. – С. 234-252.
9. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.

О «НЕСИММЕТРИЧНОМ» ИТОГЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ
А. С. ГРИНОМ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ МОТИВОВ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Фокин Н. П.

г. Екатеринбург, УрФУ

ASYMMETRICAL SUMMARY OF THE EXPERIENCES OF A. S. GREENE OF
THE MORAL MOTIVES OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Fokyn N. P.

Yekaterinburg, Ural federal university

Аннотация: в статье рассматривается соотношение творческого метода А. С. Грина и нравственных мотивов русской революции 1917 года.

Ключевые слова: иная реальность, воображаемая идентификация, магический реализм, чудесный технический артефакт.

Abstract. The article deals the relationship creative method of A. S. Greene and moral motives of the Russian revolution of 1917.